

Едва забрезжил рассвет следующего дня, Инь Чэньюй в карете покинул временную резиденцию и направился к храму Фушоу. Предлогом для поездки, разумеется, послужило желание возжечь там первую палочку благовоний. Храм Фушоу пользовался в Тяньцзиньском гарнизоне большой известностью, поэтому намерение наследного принца посетить его не должно было вызвать подозрений у Вань Юляна и прочих.

Сюэ Шу сопровождал его. Однако, поскольку евнуху предстояло и дальше усыплять бдительность Вань Юляна, он не показывался среди свиты, а ехал вместе с Инь Чэньюем в карете.

Карета, поданная во временной резиденции, разумеется, уступала в просторе и удобстве экипажам Восточного дворца. Инь Чэньюй встал рано и чувствовал усталость, к тому же дорога за городом оказалась неровной, и от тряски ему сделалось не по себе. Заметив, что Сюэ Шу, сидевший рядом, казалось, ничуть не страдал от неудобств, наследный принц указал на свободное место возле себя:

— Садись сюда.

Сюэ Шу послушно пересел. Он только собрался что-то спросить, но принц остановил его легким взглядом:

— Сиди смирно. Не двигайся и молчи.

С этими словами Инь Чэньюй плавно опустился и устроил голову на коленях Сюэ Шу. Эта живая подушка и впрямь оказалась куда удобнее жесткого валика.

— Еще помассируй мне голову.

Распорядившись, Инь Чэньюй со спокойной совестью закрыл глаза.

Сюэ Шу же, ощутив на коленях знакомую тяжесть и опустив взгляд, встретился с прекрасным лицом, являвшимся ему во снах. Дыхание его на миг сбилось. Он стиснул кулаки, затем медленно разжал пальцы. Тяжело выдохнув, евнух совладал с собой и осторожно положил руки на голову принца, избегая короны¹, принялся массировать, тщательно дозируя силу.

Один сидел, другой лежал. Сюэ Шу, склонив голову, невольно смотрел на лицо Инь Чэньюя. Глаза принца были закрыты, ресницы чуть подрагивали в такт дыханию. Бледные губы, полные и влажные, были плотно сжаты. Это зрелище мгновенно воскресило в памяти Сюэ Шу сон, где эти самые губы были прокушены до крови...

Иное очарование. Холодная луна с девятых небес, павшая в мир смертных и оскверненная его грязью, — красота, искушающая сердца.

Сюэ Шу неосознанно облизнул губы. Зверь, дремавший в глубине души, вновь яростно взревел. Рев этот искушал: приблизься, завладей, оскверни. Увлеки этого несравненно благородного человека в трясины, пропитай своим запахом, оставь свою метку, погрузись вместе с ним в грязь, из которой уже не будет возврата.

Но в итоге он лишь неотрывно смотрел на Инь Чэньюя, жадно лаская взглядом его кожу дюйм за дюймом, пока кончики пальцев с предельной сдержанностью продолжали легкий массаж.

— Еще раз так уставишься — вылетишь вон. — Инь Чэньюй открыл глаза и раздраженно посмотрел на евнуха. Он собирался немного вздремнуть, но взгляд Сюэ Шу был почти осязаем — он словно скользил по его лицу, и игнорировать это было невозможно.

Возможно, в голосе принца не прозвучало настоящего гнева, и это придало Сюэ Шу смелости:

— Ваше Высочество прекрасны.

«Он еще и смеет пререкаться! Видно, я и впрямь слишком ему потакаю». Инь Чэньюй от злости чуть не рассмеялся. Он сел и, указав пальцем наружу, холодно приказал:

— Вон отсюда. Немедленно.

Сюэ Шу не шелохнулся. На этот раз он промолчал, лишь опустил глаза и тихо произнес:

— Мы еще не доехали до храма Фушоу.

А пока они не прибыли в храм, следовало соблюдать осторожность.

Инь Чэньюй потер переносицу, выпустил сдавленный вздох и, ткнув в Сюэ Шу пальцем, процедил сквозь зубы:

— Как только отъедем от храма, вылетишь вон. И пешком пойдешь!

— Слушаюсь, — покорно ответил Сюэ Шу и тут же спросил: — Тогда позвольте продолжить массаж?

— Замолчи, и голова у меня болеть не будет, — отрезал Инь Чэньюй. Он свирепо зыркнул на евнуха и отвернулся к окну, больше не обращая на него внимания.

Примерно через час пути карета наконец достигла храма Фушоу.

Инь Чэньюй вошел внутрь, возжег благовония и, отведав постного угощения, покинул храм.

Однако возвращаться в Тяньцзинь он не стал, а свернул на неприметную тропу, ведущую в ином направлении.

Истинной целью его поездки был даосский храм, приютившийся на склоне горы Восьми Бессмертных.

Храм явно стоял уже много лет: краска на колоннах у входа облупилась, иероглифы на вывеске над воротами выцвели. Издали можно было лишь смутно разобрать три знака — «Байхэгуань», Храм Белого Журавля.

Инь Чэньюй не стал подходить ближе. Безмолвным жестом он приказал своим людям окружить строение.

Сюэ Шу, шедший рядом, мгновенно все понял и тихо спросил:

— Ваше Высочество, кого мы ловим?

— Одного старого и очень скользкого даоса.

Только теперь Инь Чэньюй посвятил Сюэ Шу в суть дела.

Храм Белого Журавля давно пришел в запустение, паломники сюда больше не ходили. Жившие здесь даосы разошлись кто куда, и в конце концов в обветшалом храме остались лишь двое. Один — даос Ванчэнь, ныне покойный. Другой — тот самый старик, которого предстояло схватить сегодня.

Эти двое были учителем и учеником. Не имея возможности прокормиться в храме, они спустились с горы и принялись добывать деньги обманом, используя разные сомнительные практики. Они разделили обязанности: старый даос тайно устраивал всякие пугающие происшествия, а Ванчэнь, изображая из себя мудрого отшельника с повадками небожителя, пользовался случаем, чтобы заманивать клиентов, продавать втридорога талисманы и изгонять демонов.

Со временем Ванчэнь, промышляя мошенничеством, обрел некоторую известность. Его заметил Вань Юлян, а затем Инь Чэнцзин отправил его в столицу, Ванцзин. Однако ни Вань Юлян, ни Инь Чэнцзин не знали всей правды. Им было известно лишь, что Ванчэнь весьма искусен, умеет подделывать почерк и печати, но они и не подозревали, что всем своим умениям он обязан учителю.

Старый даос был куда хитрее ученика и прекрасно понимал, что деньги любят тишину, потому и не позволил Ванчэню выдать его присутствие. Если бы Инь Чэньюй не приказал тщательно расследовать прошлое Ванчэня, не обнаружил в нем нестыковки и не потянул за эту ниточку, то о существовании старика, возможно, так никто бы и не узнал.

Старик долго вращался среди простонародья и в цзянху², он был не только осторожен по натуре, но и весьма ловок. Инь Чэньюй уже посылал людей схватить его, но даосу тогда удалось ускользнуть. Принц полагал, что тот больше не появится, но старик, сменив облик, неожиданно тайно вернулся в храм.

Едва получив донесение, Инь Чэньюй немедленно прибыл сюда с людьми. Ванчэня убрали слишком рано, и многие улики исчезли вместе с ним. Старый даос, вероятно, знал не меньше своего ученика. Чтобы гарантировать успех операции, принц и взял с собой Сюэ Шу.

— Иди. Не дай ему уйти. — Инь Чэньюй на мгновение задумался и добавил: — Те, кто уже пытался его схватить, говорят, у него есть какие-то странные приемы, и он очень изворотлив. Будь осторожен.

Сюэ Шу кивнул и направился к храму.

Он нарочито тяжело ступал, а подойдя к закрытым воротам, долго озирался по сторонам, прежде чем неуверенно постучать:

— Есть кто дома? Есть кто?

Не получив ответа после нескольких ударов, он повысил голос:

— Раз никого нет, я войду. О небожители, простите за дерзость, не гневайтесь!

Бормоча извинения, он поклонился на все четыре стороны и, словно юноша, заблудившийся в горах, робко и взволнованно толкнул ворота храма.

Ветхие ворота заброшенного храма, разумеется, не запирались на засов. Толкнув их, Сюэ Шу настороженно заглянул внутрь и, помедлив, шагнул за порог, намереваясь пройти дальше.

Но стоило ему сделать шаг, как рядом раздался старческий голос:

— Ты кто такой?

Сюэ Шу изобразил испуг. Растерянно и смущенно взглянув на старика, он ответил голосом, полным тревоги:

— Я отбился от друга в пути, заблудился... Уже темнеет, я хотел бы попроситься на ночь в храм. Вы настоятель? Не могли бы вы приютить меня?

Старый даос, прищурившись, оглядел его с головы до ног. Лишь спустя некоторое время он

шагнул к воротам, чтобы закрыть их:

— Заходи. Можешь переночевать в задней комнате. Только не шастай где попало.

Сюэ Шу благодарно улыбнулся и совершенно безбоязненно пошел вперед, с любопытством оглядываясь по сторонам:

— Первый раз слышу, что на горе Восьми Бессмертных есть храм. Вы здесь один, даочжан³?

— Один, — подтвердил старик, следуя за ним и мельком взглянув на его руки⁴. — Храм стоит на отшибе, народу тут не бывает...

Он продолжал говорить, но из рукава уже скользнул кинжал, метнувшийся к спине Сюэ Шу.

Сюэ Шу, шедший впереди, был начеку. Он уклонился, одновременно перехватывая запястье старика и нанося удар ногой по его ногам. Однако старый даос неожиданно вывернул руку и, выскользнув из захвата подобно юркой рыбе, бросился бежать вглубь храма.

Взгляд Сюэ Шу помрачнел. Он брезгливо посмотрел на прозрачную слизь, оставшуюся на руке, и сразу понял: старик наверняка натерся чем-то вроде лягушачьей икры. Если икру как следует размешать, она становится бесцветной и очень скользкой. Именно ее используют в фокусе «черпать воду бамбуковой корзиной» — это распространенный трюк среди уличных артистов.

Прищурившись, Сюэ Шу выхватил заранее приготовленный лю син чуй⁵ и бросился в погоню.

Старый даос был не так быстр. Увидев, что Сюэ Шу нагоняет, он попытался повторить свой трюк, но евнух на этот раз не стал сближаться для рукопашной схватки, а метнул лю син чуй. Утыканная шипами гиря тяжело ударила старика по пояснице, вторая же по инерции дважды обвилась вокруг его талии, накрепко спеленав.

Бежавший даос мгновенно потерял равновесие и рухнул на землю. Он долго не мог подняться.

Видя, что старик не двигается, Сюэ Шу шагнул вперед, чтобы схватить его. Но тот внезапно открыл рот и злорадно ухмыльнулся... Увы, Сюэ Шу прекрасно разбирался в подобных уловках. Он среагировал быстрее: прежде чем даос успел выплюнуть спрятанное во рту оружие⁶, евнух вывихнул ему челюсть.

Короткая бамбуковая трубка с оружием выкатилась изо рта старика и со стуком упала на землю. Сюэ Шу связал ему руки цепью от лю син чуя, а затем, чтобы предотвратить побег, подрезал сухожилие на ноге. После этого он поволок пленника наружу.

Старик беспомощно смотрел, как Сюэ Шу раздавил ногой бамбуковую трубку. Тот обернулся и мрачно усмехнулся даосу — в его облике не осталось и следа от прежней юношеской робости и простодушия.

Инь Чэньюй ждал снаружи не более получаса, когда Сюэ Шу выволок пленника из храма. Он толкнул старика к ногам принца и, словно ожидая похвалы, доложил:

— Поймал.

На лице Инь Чэньюя появилась улыбка. Он не произнес ни слова одобрения, но взгляд его был красноречив.

Принц оглядел старика. После схватки тот выглядел довольно жалко. Однако держался с достоинством: несмотря на искалеченную ногу, он упрямо стоял прямо.

— Кто вы такие? Среди бела дня грабить и убивать! Властей не боитесь?! — Громко вопил он, разыгрывая из себя невинную жертву разбойного нападения.

Инь Чэньюй еще не успел ответить, а лицо Сюэ Шу уже потемнело. Прищурившись, он с силой ударил старика под колени. Тот не удержался на ногах и рухнул, больно ударившись коленями о землю. Но Сюэ Шу этого показалось мало. Он выхватил саблю у стоявшего рядом стражника и плашмя ударил даоса ножами по спине, заставляя его распластаться на земле лицом в пыли.

Только после этого евнух холодно бросил:

— Ты кто такой, чтобы стоять перед Его Высочеством? На коленях отвечай.

¹ Имеется в виду головной убор, указывающий на статус наследного принца.

² Цзянху (江胡) — досл. «реки и озера»; мир странствующих воинов, отшельников, разбойников в китайской литературе и культуре.

³ Даочжан (道長) — уважительное обращение к даосскому священнослужителю.

⁴ Имеется в виду «пасть тигра» (虎口) — область между большим и указательным пальцами, мозоли на которой могут указывать на владение оружием или боевыми искусствами.

⁵ Лю син чуй (流星錘) — «молот-метеор», китайское гибкое оружие, состоящее из одной или двух

гирь, соединенных цепью или веревкой.

⁶ □□ (аньци) — скрытое оружие, часто небольшого размера, например, дротики, иглы.

Примечание автора:

Пёсик: Только я могу пререкаться с Его Высочеством.

Его Высочество: ? Тебе тоже нельзя :)

<http://bllate.org/book/13382/1190734>